

18+

Родион Белецкий

ДОВОЛЬНО
СТРАШНАЯ
ИСТОРИЯ

Родион Белецкий

Довольно страшная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72834337

ISBN 9785006863477

Аннотация

В Москве в счастливом браке живет девушка Оля. В прошлом пережила она тяжелые отношения с неким красавцем из Питера по имени Андрей. В Москве ее жизнь сложилась гораздо лучше: Оля нашла себе мужа, забыла про прежние отношения и успешно работает врачом-косметологом. В один прекрасный момент ее приглашают в Питер на «Кадавр-курс». Там косметологи собираются в морге и тренируются на трупах делать уколы красоты. Оля оказывается в морге и в одном из трупов узнает своего бывшего...

Содержание

Родион Белецкий	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Довольно страшная история

Родион Белецкий

© Родион Белецкий, 2025

ISBN 978-5-0068-6347-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родион Белецкий

ДОВОЛЬНО

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Посвящается Олечке Топчиевой

1.

Мертвая голова, лежащая на щеке, открыла глаза, посмотрела на меня, постепенно узнавая, словно после долгого, тяжелого сна, и сказала:

– Здравствуй, Олечка. Помнишь меня?

Я не успела ответить, потому что упала в обморок.

2.

«Кто сказал, что счастье невозможно?» – прочитала я рекламный слоган. Все во мне возмутилось, а внутренний голос заорал:

– Тебе, сука, никто ничего не говорил ни про какой счастье! Ты сам себе вопросы задаешь и сам же на них отвечаешь? Это раздвоение личности, называется!

Потом я подумала, это же просто реклама. Этот слоган сочинил нищий приезжий копирайтер. Ему нужно было за что-то зацепиться. Сам себе вопрос задал, сам ответил. Тебе-то что? Надо жить здесь и сейчас.

Так, что происходит сейчас? А сейчас мой Денис забыл ключи и пошел в квартиру на Ленинском, в нашу личную квартиру!

А я жду его возле автомобиля. Нашего личного автомобиля. У меня все хорошо. Он целовал мне ноги сегодня. Вчера у меня был секс. Не очень удачный, но зато он был!

– Ясно тебе, уродка, проходящая мимо?!

Мой внутренний голос зачем-то заорал на бледную девушку, бредущую в сторону метро. А мне стало на секундочку нехорошо. Хотя я красивая и солнце светит и тот, кто меня любит сейчас возьмет ключи и спуститься и сядет в машину, и мы поедem, мы помчимся в Торговый Центр и по дороге будем обсуждать этот поганый Питер. Будем говорить, какой он уродливый, депрессивный, мокрый, и как хорошо в Москве, где нет пьяных, нестиранных фриков, которые считают себя культурной элитой и берут себе тупорогие, короткие псевдонимы на французский лад: Эжэ, Пурэ, Пюи... Леонтье и т. д. и т. п.

Я была злая, а должна была быть счастливая. Я была не вовремя злая. Некстати. Я смотрела на Дениску, он сосредоточился на дороге. И только после десяти километров заметил, что я на него смотрю и начал ме-е-едленно поворачивать голову в мою сторону.

Он вообще медлительный, мой Денис. Быстрее, говоришь ему! Быстрее! А он сразу спрашивает: «Что случилось?» И даже спрашивает он медленно, словно заело пленку: «Ч-

т-о-о с-л-у-ч-и-л-о-сь?» И хочется по щекам его ударить со всей силы, чтобы еще кольцом обручальным новеньким нос задеть, и чтобы кровь пошла, и чтобы увидеть в глазах его удивление и желание ответить ударом на удар. И потом в глазах его увидеть, как он справляется с этим желанием, вспоминает, что перед ним жена любимая и просто зажимает разбитый нос и отворачивается.

Я была очень злая. А должна была быть счастливая. Очень счастливая.

Денис вышел из подъезда медленно, медленно на ходу убирая ключи в карман. На каждый шаг уходило у него минут двадцать. На ходу он смотрел на меня и бесил. Но я сильная, я справилась. Хотя он специально остановился, чтобы помахать мне рукой. Специально. Встал. Посреди. Двора.

Одной рукой я махнула ему в ответ, другой – смяла рекламную листовку. Кто сказал, что счастье невозможно?

3.

В Питере я курила не переставая. Не могла понять, как можно вдыхать этот бледный воздух без табачного дыма. В Питере я и стихи сочиняла. Лежа с Андрюшей на мокрых простынях.

Жестокий принц

Ты вырезал мне бритвой

Большое сердце на спине

Мне стало

Гораздо легче
И дышать, и плакать
Закапав кровью пол
Я улыбаюсь.

Стихи были все такие. И Андрюша меня резал. И это не образ ни фига. Вернее так. Он сам себя решил порезать и торжественно мне это сообщил. Я подумала и решила... Хотя, вру. Я вообще не думала. В Питере никто не думает. Я ему сказала, давай и меня режь тоже. Он, мне кажется, с удовольствием это сделал. И с меня начал. Три полосы на предплечье. Девочка-Аидас. Боли особой не было. Крови было достаточно. Так что, «закапав кровью» – это чистая правда. Себе он по руке полоснул и все. Довольно глубоко. Но один раз. А потом мы пошли гулять в майках с пятнами крови. Руки о белые майки вытерли и натянули их на себя.

Ну в Питере этим мало кого удивишь. Если бы Курёхин вышел, прохожие бы оборачивались. Андрюша красивее Курёхина, но ноунейм. А я, скажем, симпатичная, когда себе нравлюсь. Интересная, когда не нравлюсь. А когда я себя ненавижу – что бывает гораздо чаще – я стараюсь вообще никуда не выходить. Оуклиться, сидеть между матрасами со сладким абрикосовым треугольником. Тихо есть, вспоминать, как меня буллили в школе, и придумывать моим обидчикам запоздалые казни.

Например, сжечь, обложив старыми «Московскими комсомольцами», или утопить в прошлогоднем варенье, что-то

в этом роде.

Мы с Андрюшей были не разлей вода, и я, мне кажется, висела на нем, обхватив его правую ногу, когда он ходил.

Иногда он меня с ноги стряхивал и уходил за деньгами. Являлся весь чудесный, как из арабской сказки. Глаза – как два Сириуса в безоблачную ночь.

– Почему так долго? – спрашивала я, злая и ревнивая.

Андрюша смотрел на меня, склонив голову и глаза его долго-долго находили меня, узнавая.

– Не мог раньше.

– Я зашивалась здесь!

– Жаль, – говорил он.

– Тебя сутки не было!

– Разве?

– Не зли меня!

– Дюймовочка, – говорил Андрюша, хотя рост у меня нормальный, – Можно поцеловать?

– Ещё чего!

– Можно?

– Нет, конечно!

А он все-равно целовал, носил на руках, бросал на кровать. Мы трахались, а я, попутно, пыталась рассмотреть на его теле засосы.

– Это что? – спрашивала я во время процесса.

– Это синяк, – отвечал Андрюша.

– Да какой это синяк! – говорила я.

Но он ускорился, и я как-то переставала отличать синяки от засосов.

Меня все чаще охватывала жуткая тоска. Особенно, когда он уходил. Я себя ощущала в этом мерзком Питере оторванной от всего нормального мира. Типа они придумали здесь себе, что они центр вселенной. А они дальняя дача Франции, куда французы перестали ездить век назад. Французы привезли сюда старую мебель, заперли дачу на замок, и в Шампань, не зная того, что всё это время живут на их даче бомжи.

Я была Андрюшиным полотенчиком и просто перестала себя осознавать в отрыве от него. Без Андрюши я тогда имени своего не смогла бы вспомнить. Пропадал на сутки, приходил, «Оль!» с порога, и я оживала, вскакивала, как горная коза и бежала к нему: «Оля! Я – Оля! Он меня вспомнил!»

Однажды пришел и сказал, надо бежать, и мы побежали по крышам, по льду и снегу, по голубиному помёту. Я разбила себе коленку. С синей ногой, с синим лицом, как тетка из «Аватара», вылезла вслед за Андреем в соседний подъезд.

– А что с моими вещами?

– Какими вещами?

– Моими. Там два чемодана!

– Вернемся и возьмем.

– Когда?

– Лёля, скоро.

Мы не вернулись. Мы ночевали у друга, который начал мне подмигивать после первой рюмки коньяка. Андрей вы-

рубился, а друг – это питерское исчадие ада – сидел и смотрел на меня, уже не мигая. Я ему что-то рассказывала, а потом поняла, что он спит с открытыми глазами. Я встала, нашла шинель. Надела ее. Халат, солдатская шинель и грязные розовые тапочки с мехом.

Бродила по коммуналке, дернула слив на цепочке и увидела пластиковую фигуру Деда Мороза. С меня ростом. Ему я дала в морду. Мороз покачнулся и не упал. Я хотел спать, открыла дверь, а в комнате сидела на полу девушка в халате. Почти что я. Только халат похуже и девушка моложе. Она сидела на корточках и волосы её касались пола.

Когда я вошла, она подняла голову, и я увидела, что девушка эта на цепи. Обе руки в кандалах и прикованы цепью к полу, к большому стальному железному уху.

– Здравсте, – сказала я.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– С вами все в порядке?

– Нет, – ответила она.

Мой вопрос был не самым разумным. Конечно, с ней не всё в порядке. Стала бы она в старом халате сидеть пристегнутой цепью к полу.

– А у вас как дела? – спросила девушка вежливо.

«У меня хоть шинель есть», – хотела ответить я. Но потом подумала, что хвастаться в чужом доме нехорошо.

Потом, может быть, это её шинель.

– Дела не очень, – ответила я. Это была правда.

– Я хочу пить, – сказала девушка.

– Сейчас принесу, – сказала я.

– Не надо, – девушка замотала немойтой головой, – Меня накажут. Не надо.

И она улыбнулась. Переднего зуба у нее не было. Это был знак. Я вышла из квартиры и пешком дошла до Московского вокзала. Я бы доползла до него с японской катаной в спине. Только бы свалить из города тусклых огней.

4.

Андрей звонил. Я не брала трубку. Стерла все аккаунты. Он приезжал. Сидел на лавке, караулил. Я переехала к Железной Лене. Сестра посмотрела на меня с презрением и пустила. Её шиншиллы заметались по клетке при виде чужого.

– Их как зовут? – спросила я.

– А тебе зачем?

– Не знаю. Интересно.

– Это Кристина, а это Агилера.

Кристина от Агилеры ничем не отличалась. Сестра уходила на работу, а я лежала и ковырялась в пупке. Потом шла воровать её йогурты. В холодильнике больше ничего не было. Йогурты и препараты для её работы.

Препараты я не трогала. Восемь лет учиться, чтобы все забыть в Питере. Это умею только я и Розенбаум. Железная Лена уже Заведующая Отделением Косметологии. А я – прыщ на большой попе Московской Медицины.

Железная Лена вернулась преисполненная решительной агрессии или агрессивной решительности.

– Пойдешь ко мне работать, сестренка!

– Ананас – это животное.

– Что?

– Ты тоже бред сказала, сестренка, – ответила я.

– Тебе надо отвлечься.

– От чего?

– Тебе нельзя думать вообще!

А ведь она права, подумала я. Цепочка такая получается: я начинаю думать, я начинаю себя жалеть, потом я начинаю ненавидеть мир вокруг, а после я начинаю ненавидеть себя. Вот этот последний переход мне еще до конца не понятен. Но он неизменно происходит, и сижу я в ненависти по самую макушку, как в черной, лечебной грязи.

– Пойдешь ко мне на четверть ставки. Или по договору. На несколько часов в день.

Я обещала подумать.

В Питере мы с Андреем были в гостях. Андрей сказал, что у однокурсницы день рождения. Мы взяли бутылку «Ванна Таллина». В такси она стояла у меня между ног и булькала. Мне показалось, что из бутылки уже пили.

Дом был огромным. Весь для одной семьи. Внутри разрисован разноцветными гроздьями, словно архитектору, да и хозяину тоже в детстве не давали винограда. Ни ягоды.

На видном месте висел портрет строгого мужчины. Су-

дя по выражению лица, он был возмущен черной ленточкой на углу своего портрета. По дому бегали одинокие дети. Няни валяли дурака. Вдова не только сдавала дом киношникам для съемок богатой жизни, но и заделалась дилером. Потому-то мы и приехали. Никакого дня рождения не было.

На третьем этаже стояли шкафы с новыми женскими вещами на продажу. Я ничего не купила. Если вдова продавала свои собственные вещи – это было бы очень грустно. Надеюсь, она просто ограбила модный магазин.

Андрей пришел ко мне на веранду веселый-веселый. Глаза, как плошки, как у собаки из сказки. И тут я возьми и спроси:

– Что будет через год?

Он скривил лицо:

– Не порти момент.

– Какой момент? – спросила я, – Нет никакого момента!

– Вот видишь, – он едва не проткнул меня пальцем, – ты уверена, что момента нет, а я говорю, что момент самый, что ни на есть...

И тут он застыл, не договорив. Замер, выгнув спину и закатив глаза.

Прекрасно, подумала я, вот и поговорили.

5.

Взяла самое строгое, что было у сестры. Но нижнего белья не надела и пошла в «Нур». Села за стойку и заказала кок-

тейль «Бруклин» на последние деньги. Мониторю окрестности. Бармены в белых комбинезонах здороваются с гостями, натужно общаются. Гости – мужики за сорок, за спиной которых стоят тени прошлого: две-три жены, дети в энном количестве, а дальше их болезни. От диабета, до болезней мочеполовой системы. Деньги у них есть, но в итоге все они будут уходить на лекарства.

Музыка становилась все громче, публика прибывала. Бледная молодежь без цели и банальные шлюхи.

Во дворике курили и, типа, разговаривали, пытаюсь перекричать музыку. Пошел дождь. Дворик опустел. Я уже отчаялась.

И тут вижу его. Полноватый, неказистый, но чистенький, в белом поло, и воротник не поднят – это уже хороший знак.

– Можно попросить у вас зажигалку? – сказала я.

Оказалось, он не курит, а держит сигарету умотавшего куда-то друга.

– Я здесь случайно, – сказал он, улыбаясь.

Ты-то мне, думаю, и нужен.

Всё устроилось очень быстро. У него была какая-то невеста. Но такую как я скандалы только раззадоривают, а звонки в два часа ночи бодрят. Вскоре произошло отторжение эпидермиса, иными словами, невеста отвалилась.

Дениска стал мой. Весь без остатка. С его преклонение перед ЖЕНЩИНОЙ (слава покойной тёще!) и нытьем по утрам, с его готовностью помочь и зависаниями до мину-

ты.

Секс был проблемой. Дениска очень старался. Он хотел меня каждый раз чем-то удивить. Но возможности не позволяли. А я оставила в Питере свою способность удивляться. Жили и жили.

– Ты меня любишь? – спрашивал Дениска.

– Да, – отвечала я.

– За что?

Если честно ответит на этот вопрос, я бы сказала «за спокойный сон». Он считал, что мой сон – это святое. Собирался и уходил на работу как мышь-полевка, бесшумно шагающая по сухой траве. Я находила возле кровати холодный кофе. Он еще мне кофе умудрялся тихо делать. Хотя наша кофемашинка при жизни сореживалась по уровню шума с пылесосом.

– Ты меня любишь? – спрашивал Дениска.

– Да, – отвечала я.

– За что?

– Этого нельзя объяснить. Ты – лучше всех.

Этот ответ его, кажется, устраивал.

И я не врала. Если любовь – это напряжение всех сил, как было с Андреем, такая любовь мне была не нужна. В конце концов, взрослый человек сам решает, что назвать ему любовью. Называют же любовью секс. Я могу назвать любовью рыбную ловлю или прогулки с собакой.

– Ты сегодня занималась любовью?

– Конечно!

Ты ведь гуляла со своим тойтерьером!

Я назову свои отношения с Денисом любовью. И никто мне не указ. Может быть такая любовь? Разумеется. Кому-то плохо от любви такого вида? Всем хорошо. Кто за такую любовь, поднимите руки. Единогласно.

6.

Дениска пришел ко мне в ванную, когда я забыла запереть дверь и, мерси мон Дьё, не успела начать «себя ласкати».

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила я, и зарылась глубже в пену. Что-то он готовил неприятное. Я сердцем чувствовала.

– Поговорить хотел.

Он присел на край и ко мне в ванную свесилась часть его трогательной попки.

– Ну?

– У тебя всё в порядке?

«Нет, конечно», – подумала я, – «Выйди и оставь меня минут на двадцать пять и тогда все будет в порядке точно».

– У меня всё хорошо.

– Я хотел поговорить о ребенке.

– Каком ребенка? – у меня пересохло в горле.

– Нашем.

– Денис, я сама ещё ребенок.

Мой суженый посмотрел на меня со вниманием:

– Нет. Ты – взрослая.

Заметил наконец-то.

– Денис, я пока не хочу детей.

– А я тебя не тороплю.

– Очень хорошо.

– Хочу просто понять твои планы.

– Планирую жить дальше, Денис.

– Со мной?

– Ну, конечно. Ты – лучше всех.

– Это звучит формально.

Сердца Дениса – вещун.

– Денис, не морочь мне голову. Я тебя люблю, хочу жить только с тобой и никого мне больше не надо.

Денис заулыбался:

– Класс. Можно к тебе?

– Нет! Выйди, пожалуйста.

Он запыхтел и вышел. Я приподнялась и потянулась к защелке. Но тут Денис появился снова. Посмотрел на мою грудь, откашлялся.

– Почему, можно спросить?

– Что почему? – с меня стекала вода.

– Почему ты не хочешь ребенка?

– Я на работу решила устроиться.

Он очень удивился.

– Куда?

– К сестре. В клинику. На четверть ставки.

– А кем?

– Сталеваром.

– Что?

– Денис, не зли меня. Ну, конечно, врачом. Дермато-венерологом и косметологом.

– Одновременно?

– Денис, выйди на фиг!

Он вышел. Вопрос с ребенком был временно закрыт.

7.

В клинике я по большей части сидела в Ленинском кабинете. Я называла его Ленинской комнатой. Работы не было и для врачей с опытом. Пропускной режим не позволял выйти на улицу. Я маялась. Жара была адова. В клинике было нечем дышать. Окна не открывались. Я ходила в халате на голое тело. А к концу дня легла на диван и халат расстегнула. Лена вернулась от главврача, встала у входа и сделала страшные глаза.

– Что? – спросила я, не двигаясь.

Обогнув Лену, в кабинет вошел Главный. Остановился и несколько раз шагнул на месте, словно шел по беговой дорожке.

– Здравствуйте, – сказал Главный, и добавил, – я потом...

Он вышел, мы с Леной остались один на один.

– Ты дура? – спросила сестра.

– У него тоже халат был расстегнут.

Железная Лена заперла дверь кабинета изнутри. Всё, думаю, сейчас она меня будет бить. А она достала бутылку коньяка. Я в углу наблюдаю. Халат застегнула и ноги под себя поджала. Ленка бутылку открыла и разлила по стаканам.

– Пить будем, – сказала она.

– Ты же не пьешь.

– Есть повод.

Я тут подумала, что её день рождения пропустила. Нет. Рано ещё. Взяла стакан и спрашиваю:

– Что за повод?

– Мы расстались, – сказала Лена.

– С кем? – И тут я всё поняла. Она с Главным встречалась.

С этой Матрёшкой в штанах, прости меня Господи.

Я не выдержала:

– Он ведь женат.

– Не хочешь, не пей.

– Еще чего.

Мы напились. Пошли домой. Железная Лена с остановившимся взглядом все время шла вперед. Мне оставалось только ее направлять. Правда она едва не шагнула на пути с платформы станции «Кузнецкий мост». Но в остальном добрались без происшествий.

Я привела её к нам. Решила не оставлять одну.

– Это неудобно, – сказала Лена, упала на наш диван и уснула мертвецким сном.

Мы с Денисом знатно повеселились, слушая её храп.

– Я тебя хочу, – сказал он.

– Ну давай.

Получилось не очень, но веселее, чем обычно. Присутствие старшей сестры за стеной добавило, как говорят, в отношения остроты.

8.

– Мне не нужны подачки! – сказала Железная Лена.

Не было заметно, что у неё похмелье. Только запотевали стёкла её очков через равные промежутки времени.

– Ты о чем?

– Хочет от меня откупиться!

– Главный?

– Ненавижу.

– Погоди, погоди...

Я отвела сестру в сторонку, нашла глаза за стеклами очков, допросила с пристрастием. Главный предложил ей поехать на кадавер-курс.

– Мертвых колоть?

Лена кивнула.

– Заманчиво, – сказала я, и добавила, – вот он гусь!

Лена снова кивнула.

– А где это?

– В Питере, – сказала Лена и, опережая мой вопрос, ответила, – я не поеду.

– Дорогая, наверное, история?

– Он обещал все оплатить, но это уже не важно.

– Не, это очень важно! – сказала я. – Слушай, а давай я вместо тебя поеду. Мне практика нужна.

– С чего это? Я собою жертвую, а поедешь ты.

Это называется теперь жертвую собой. Понятно.

– Вы расстались, напоминаю.

– И что? Может, ты хочешь моё место занять?

Ну я поняла, что все там не просто. Не расстались они, а играют друг у друга на нервах и делают свою жизнь интереснее. А вот у меня жизнь скучная и неувлекательная.

Что у меня сегодня было увлекательного? Я облизывала крышечку от йогурта. Всё.

Если у человека забрать его личную жизнь. Каким он станет? Нормальным, зажатым, свежесмытым, без проблем. Суровый, одинокий специалист на витаминах, окруженный книгами и учениками, одного с ними пола. Или детьми, как дедушка Корней Иванович Чуковский.

Я как-то очень захотела колоть мертвецов иголкой.

– Если ты поедешь, возьми меня с собой. Мне нужна практика, – сказала я, и добавила, – чтобы не испортить живые лица.

Прозвучало неискренне.

– Нет, – сказала Железная Лена, – там курс триста тысяч стоит.

Я посмотрела на сестру взглядом сиротки Хаси:

– Попроси твоего, он тебе не откажет.

– Он не мой! – Лена держалась.

– Леночка, – сказала я проникновенно, – когда у кого-то заканчивается самый тяжелый период в жизни, он словно обнуляется, начинает новым взглядом видеть привычные вещи. Понимаешь? У меня был не просто тяжелый период, я пережила катастрофу! Как встречу с маньяком. После этого душа моя пуста. Мне нужны новые впечатления. Лучше позитивные.

– Ага. Мертвецы в морге.

– Мне нужна встряска, калейдоскоп эмоций, который заполнит мою пустую душу! Острые впечатления нужны, и разные переживания!

– Нет! – сказала Железная Лена железным голосом.

Она своих решений не меняла.

9.

– Денис, это всего три дня.

– Можно я с вами?

Муж смотрел на меня как ребенок, который решился-таки попросить игрушку. Ему страшно, но желание пересиливает.

– Ты что, ревнуешь?

Денис вздохнул. Мне очень захотелось его обнять, но в воспитательных целях я решила этого не делать.

– Денис, я еду учиться. Ты понимаешь?

– Я понимаю.

– Если бы я захотела тебе изменить, я давно бы это сделала

в Москве. Сто раз тебе говорила.

– Я понимаю.

– А в Питере изменять могут только ненормальные. Там стоит снять трусы и всё, ты уже простуженная.

Денис улыбнулся. Я поцеловала его в нос. Он перевел мне на карту деньги. Все шло прекрасно.

Да, Железная Лена передумала. После нашего разговора она посмотрела на меня свысока и ушла из отделения на два часа. Посреди рабочего дня. Вернулась такая же строгая и независимая. С завернутым внутрь воротником халата.

– Договорилась насчет тебя.

– Спас-и-и-бо!

– Без рук!

Обнять себя не разрешила. Мне по крайней мере.

Мы сели на «Сапсан» в семь утра. Я дошла до вагона на автомате и сразу уснула. Проснувшись, я увидела живописную картину «Утро в вагоне бизнес-класса». Из столицы ехали серьезные люди на работу, видимо, в Смольный. Они спали, разметавшись, на сидениях повышенной комфортности. Длинные, деловые ноги в шелковых носках и лаковых туфлях в проходе. Кто сказал, что я смотрю на мужчин? Я не смотрю на мужчин. Я интересуюсь жизнью в целом. Замечаю детали. Да, и кто сказал, что счастье невозможно? В рожу этому идиоту! В морду ему!

Лена всю дорогу повторяла теорию.

– Ты всё знаешь, – сказала я.

– Всё равно, – сказала она.

– Тебя никто про слёзный мешок спрашивать не будет.

Железная Лена смотрела в книгу, ответила, не отвлекаясь:

– Я не хочу ничего пропустить. Ты вот всё помнишь?

– Конечно! – хотя не помнила я ни фига.

Я хотела посмотреть Питер, пощекотать себе нервы, каждый раз ожидая, что из-за угла выйдет мой мучитель: волосы спадают на лицо, кожаный плащ с поднятым воротником, взгляд пронзительный. И обязательно такая музыка драматическая «Там-там-там!» А дальше скрипочки такие тоненько пиликают: «татара, татара, татара», нагнетая тревожность. А я, конечно, такая, в белом платье, с браслетами тяжелыми, как моя жизнь, застываю на месте и у меня перехватывает дыхание. Мой камень преткновения Андрей, моя помеха и препона, моя гора самоцветов, мой эмоциональный отклик «хочу», мой соблазн, мой вожделенный объект пронзает меня жгучим взглядом, и у меня под грудью остаются два маленьких ожога. Двоеточие после восклицательного знака.

Андрей берет меня за руку и говорит низким, подлым голосом: «Я знал, что тебя встречу». И оркестр начинает ломать инструменты, дуть в трубы ни с той стороны и бить ногами дирижера.

– Можно, я не пойду на этот курс? – сказал я неожиданно для себя.

– Ты что?! – Лена едва не повернулась ко мне вместе с вагонным креслом.

– Что? – я захлопала глазами.

– Я тебя взяла специально, чтобы ты повысила квалификацию.

– Мне уже давно нечего повышать.

– Ты всё обязательно вспомнишь.

– Я боюсь мертвецов.

– Не морочь мне голову.

Железная Лена открыла разворот с фасциями шеи на картинке.

Когда умерла наша бабушка, мы с Леной сделали странную штуку. Мы стояли в зале прощания в крематории в черных платках, который нам сделала мама из одного платка. Мы смотрели в пол и, не знаю, как Лена, я старалась заплакать.

Видя, как легко делают это взрослые, мне хотелось соответствовать. Но в детстве легче заплакать из-за двойки по русскому, чем из-за смерти бабушки Тони.

Железная Лена подошла ко мне бочком. Платок у нее сполз вперед и нос выглядывал из раструба.

– У меня наклейки есть. – сказала моя сестра шепотом.

И показала мне две одинаковые: барсук в солнечных очках, играющий на гитаре.

– И чего? – сказала я.

Железная Лена – это была ее идея! – предложила наклепить наклейки на гроб.

У детей сразу появилась задача. Дети с мотивацией страш-

ны.

Когда началось прощание, мы были в первых рядах. От своей наклейки я отделила бумажку. Наклейка липла к пальцам. Меня подтолкнули к гробу.

Бабушка тоже была в платке. Но белом. Она сжала губы, словно всё ещё терпела боль.

Я отважно взялась руками за край гроба, большими пальцами чувствуя гвоздики с круглыми шляпками, который держали ткань.

Бабушка была близко, но меня это не сильно тревожило. Я избавлялась от наклейки, смогла ее наклепить. Вернулась к сестре и сказала:

– Давай.

Лена посмотрела на меня со страхом:

– Прилепила?

– Ага.

– Ты дура что ли?

– Ты сама предложила. Давай, твоя очередь.

Но Железная Лена свою наклейку куда-то дела.

Родственники и соседи прощались с бабушкой. Кто-то поцеловал ее прямо в лоб. Равнодушие. Вот как я к этому отнеслась в детстве. Во взрослом возрасте ничего не поменялось.

Так что, я не боялась мертвецов. Я боялась вернуться туда, где мне было очень плохо. И очень хорошо одновременно.

10.

Для Питера у меня было много имен: Просто Отстой, Нижний Новгород с Эрмитажем, Нищая Пропась, Геморрой на Неве, другие похожие. Почему я его не люблю? Потому что я москвичка? Пожалуй. Люди там слишком блаженные, с февральком в головах. Говорят, что не любят деньги, играют на гитарах, и у них порезаны запястья. Спрашиваешь их про шрамы, и они загадочно улыбаются. Ой, еще дреды в жиденьких волосах. Убила бы.

Нет. Не убила бы. Они и так здесь все убитые.

До заселения было два часа. Железная Лена предложила доплатить. Я уговорила её сесть на красный автобус и прокатиться, посмотреть на достопримечательности. По местам, где Петр Первый мучил стрельцов. Хотя, это в Москве было. Не важно.

Только сели в автобус, пошел дождь. Стекла запотели. Экскурсовод проверил микрофон:

– Всем доброе утро. Наша экскурсия начи – что? – нается.

Так он и продолжал делить слова, предлагая угадать нам их окончания.

– Перед вами знаменитые сфинксы. Зооморфные скуль – что? – птуры!

Половина автобуса втянулась. Стали по-пионерски заканчивать за экскурсоводом слова.

Экскурсия называлась почему-то «Вечерний Петербург».

Стёкла еще сильнее запотели. Железная Лена превратилась в скуль – что – птуру. Когда ей что-то не нравилось, она камелела. Девушка через проход записывала новую информацию в смартфон. Хотелось сказать экскурсоводу: «За – что? – ткнись». Я была такая злая на всю поездку, на спертый воздух, на соседей-туристов, на свою немытую голову, на свою жизнь, что заснула от злости. Организм выключился, чтобы не видеть и не слышать.

Когда я открыла глаза, я пожалела об этом. Мне стало очень страшно

В автобусе была невероятная тишина. Экскурсовод заткнулся. Стекла сделались отчего-то прозрачными. Пейзажи проплывали за ними бесшумно. Тянулись, как неприятная нота в фильме ужасов. Голубое небо. Гранитные набережные. Чистые, только что выметенные улицы. Ни одного человека не видно было за пределами автобуса. Казалось, мы плывем в ковчеге чешского производства по только что отстроенному Санкт-Петербургу. Длилось это не больше минуты. Вынырнул откуда-то лысый велосипедист, поравнялся с автобусом, стараясь его обогнать. Но не получилось у лысого. Показалась надпись «Девушки 24 часа» и стоптанный номер телефона на асфальте. Компания недолюбленных подростков, машущих руками, китайские туристы, мусор, почему-то живая лошадь, ведомая девушкой, с косой саженью в плечах и тэдэ и тэпэ, как говорит наш с Леной папа, когда ему нечего было сказать.

Номер с двуспальной кроватью мне понравился. Возле телевизора лежала реклама «Прогулок на воздушном шаре».

Ленка пошла в душ, а я в глубоких раздумьях встала на кровать и принялась прыгать. Для начала тихонько, но быстро разошлась, опускалась всем весом, хотела проломить кровать на фиг. Подушки попадали на пол.

Прибежала Лена с мокрой головой.

– Слезай

– Чего это?

– Ты что, маленькая что ли?

– Прыгать на кровати можно в любом возрасте, – говорю, а сама прыгаю все выше и выше.

– Нам спать на ней.

– Так она мягче будет.

– Слезай!

– Тебе завидно.

Ей точно было завидно. У нее даже нос задрался немного от зависти. Я сказала:

– Ты меня прыгать на кровати научила.

– Никогда такого не было!

– Научила.

– Нет!

– Ты ко мне залезла, и мы кровать сломали.

Поставила перед фактом. Крыть ей было нечем.

– Иди сюда.

– Вот еще.

А я по глазам вижу, ей хочется.

– Сюда иди, Лен.

– Ещё чего!

Села в кресло и заложила ногу на ногу. Голову повернула в сторону окна. Там у нас в окне город сорванных голосов и город песен под расстроенные гитары.

Я прыгаю в одиночестве и предупреждаю родную кровь:

– Лена, я сейчас окно открою, крикну: «в пятьсот пятнадцатом номере шлюхи, идите к нам!»

Железная Лена сильно напряглась и немножко покраснела.

– Ты этого не сделаешь!

– Сделаю, и ты это знаешь.

Сестренка решила прожечь меня взглядом, но я повернулась и стала прыгать на нашей замечательной казённой кровати к ней спиной. Прыгаю, и слыша, она снимает обувь, залезает.

– Ура! – кричу.

– Ты дура!

– Ты тоже! Ура!!!

Лена прыгала с таким лицом, словно решала доказать гипотезу Рингеля-Коцига.

Мы взялись за руки – так прыгать на кровати веселее, если кто не в курсе – и мы стали беситься, как просто две оплоумевшие белки.

Я крикнула:

– Питер отстой!

Лена подхватила.

Потом мы кричали хором, потом попеременно.

Не знаю, что двигало Леной, но я, как заправская актриса, кричала одно, но имела в виду другое.

Самое отстойное было то, что Андрей, судя по всему, сломал меня. Я себя потеряла в этом гребаном граде на Неве. Может быть, я приехала, чтобы себя найти?

Или так, чтобы немножко починить. Обмотать упавший пульт скотчем.

Мы с Леной навсегда продавили кровать и хотели ещё порвать подушку, чтобы усыпать этот беспонтовый номер белыми перьями. Но наволочка не поддалась. Тогда я просто двинула Лену подушкой, а та схватила вторую подушку и ответила боковым, сбила меня с ног на фиг.

Я завелась. Бились недолго. Повалили плоский телевизор и только тогда утихомирились.

– Я выиграла, – сказала Железная Лена, тяжело дыша.

= Фиг с тобой, – сказала я. Мне было не жалко.

Лена подняла и посмотрела на себя в зеркало. Прихорашивалась она, как солдат перед парадом. Резкими движениями от плеча.

Мне же захотелось провалиться в дырку между кроватью и стеной, и я это успешно сделала.

– Не, не пойду, – сказала я из дыры.

– Почему?

– Не хочу на мертвых смотреть.

Железная Лена уговаривать меня не стала, но ушла так, что я почувствовала свою вину и за глобальное потепление тоже.

Она ушла, бросив взгляд на меня через зеркало и словно лазерные лучи выжгли на мне знак проклятия.

11.

Я торчала в номере, как на меже торчит неубранный колос чечевицы обыкновенной. Совершенно обыкновенной. Ординарной. Заурядной и сильно переоцененной. С мастурбацией ничего не получилось.

Зачем в этом номере так много зеркал. Ты вынуждена смотреть в них и говорить себе чистую правду. Ты поперлась в Питер чтобы увидеть бывшего? Чтобы же за страшная тварь ты есьшь?!

Ты ведь хотела столкнуться с ним в Эрмитаже, чтобы взял он тебя за руку и увел куда ему, подонку, вздумается. Ты что, хочешь быть связана телефонным шнуром? Тем шнуром, по которому из Смольного разговаривал с большевиками Ленин? Отключаем сердце, королевишна, включаем голову, включаем мозг нутрии. Ты просто хочешь быть инфантильной Золушкой. Хочешь, чтобы тебя вели, одевали-раздевали, снимали с тебя хрустальные туфельки, имели тебя прямо в карете-тыкве, а ты словно тут и не при чем. И глаза у тебя закрыты крепко-крепко, как святые врата Ватикана.

Попробуй же немедленно спеть на мотив «Констанции»:

Ответственность! Ответственность!

Ты будешь нести за себя

Ответственно-о-ость!

Кстати, где-то здесь неподалеку живет Боярский.

Купить шампур, сделать шпагу и прийти к нему. Довести пожилого артиста до истерики.

Стоп.

Надо воспитывать себя, Оля. Заниматься делом, расти над собой, повышать что-нибудь и расширять что-нибудь пора тоже. Голос в голове увещевал. А я готова была уже броситься по улицам города революций, города борьбы здравым смыслом, заглядывая каждому проходящему мужчине в глаза. Не Андрей ли? Не мой ненаглядный садист? Кто меня обесценит? Кто вытрет об меня ноги? Не вы ли, случаем? Ах, нет, пardon, обозналась.

К счастью, позвонил Денис.

– Что делаешь?

– Собралась тебе изменить, – сказала я.

Лучше всегда говорить правду! Это освежает отношения.

– Я уже, – сказал Денис.

– Ну и как?

Денис подумал:

– Ты – лучше.

– А я тебя предупреждала!

– У мужиков память короткая, не помнишь, что ли?

– Что с настроением?

По голосу поняла, он грустит.

– Мне плохо, – сказал мой Дениска.

– Что случилось у моего огурчика?

Огурчик помолчал, а потом сказал:

– Я скучаю.

Боже, человек мучается, а я скотская скотина мечтаю о БДСМ.

– Я скоро вернусь.

– Я знаю.

Денис молчал выразительно и шумно.

– Я тебя люблю, – сказала я, не совсем то имея в виду.

– Аналогично, – сказал Денис.

В этом был он весь. Я спрашивала:

– Хочешь меня?

– Не без этого, – отвечал, как правило Денис.

Ко мне ненадолго вернулась совесть и привела с собой чувство вины. Большое, как воздушный шар, на котором ученый Менделеев летал смотреть на солнечное затмение.

Короче, побежала я всё-таки на кадавр-курс. Мертвецов смотреть.

По улице шла, опустив очи долу, чтобы специально никого не встретить.

Бывшие – это пароходы, сгинувшие в тумане Босфорского залива. Гудят натужно в белой дымке, напоминают о себе. А ты желаешь страстно, чтобы они поскорее отдали концы

где-нибудь в другом месте, у другого гостеприимного причала и не напоминали о себе ни гудками, ни сигналами, ни масляными пятнами на воде.

Меня по паспорту пустили в морг. Надела халат и пошла в Аид по длинному, подземному коридору.

Там толком ещё не начали.

Десять белых деловых халатов стояли вокруг халата синего возле секционного стола. Я узнала Железную Лену в шапочке, под которую она умудрилась спрятать все волосы. Остальные девять – раздавленные в боках провинциальные Растиньячки, тетки с претензиями – глаза как разные пуговицы. Мужчин среди слушающих не было. Лектор говорил по-итальянски, весело вскрикивая, каждый раз словно наступая в ледяную воду.

Бубнила переводчица, еле поспевая за иностранцем. Она тоже была в халате. Смотрела в сторону, в кафельную стену. Похоже, ей надоела жизнь в целом. Или она просто боялась трупов.

– Пришла? – спросила Железная Лена шепотом.

– На извозчике приехала.

– Ты пьяная?

– Поцелуемся?

Железная Лена покачала головой и сделала вид, что она не со мной. Обошла итальянца и встала по правую руку. Её сразу пустили к столу. Железную Лену уважали. Курьеры обращались к ней на «вы». Она у всех вызывала доверие. Даже

у меня.

Итальянец повышал голос, казалось, вот-вот и запоет. Переводчица не поспевала. Руками иностранец взмахивал возле груди, как сильно подрезанными крыльями.

На столе лежал безликий, биопсийный материал. Вернее сказать, у материала было лицо. Только оно и было. Голова с закрытыми навсегда глазами, обложенная марлей.

С первого раза пробраться к столу не получилось. Меня оттесняли участницы семинара, попы – как танчики. Нездоровый ажиотаж. Слетелись как гарпии на мертвое тело.

Сейчас объясню. Трупы для препарирования – редкость. Резать наших с вами усопших граждан – попасть под статью: «надругательство над телами умерших». Поэтому трупы для нашего кадавр-курса привезли из Финляндии. Финские бомжи на вес золота. Голову одного из них я не могла рассмотреть толком. Итальянец вскрикивал, словно продавал лучшие канноли на планете Земля. Задницы в белых халатах теснились, прилегая друг к другу без швов, словно камни в Мачу-Пикчу. Задницы начинались сразу от плечевого пояса и заканчивались в районе коленных чашек. Коленных тазов, я бы сказала. Такие задницы можно было вскормить, бросая в топку коробки конфет, ликеры неизвестных китайских производителей, булки сахарные, комплексные обеды с калорийными перекусами. Одной из задниц позвонили, видимо из магазина штанов, сказать, что они нашли наконец подходящий размер, сшитый из двух парашютов. Задница

вытащила телефон, посмотрела на меня, сказал в трубку, что ей некогда говорить, и осталась на своем месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.